

Ирина Петрова

ЖАННА Д'АРК ПОЭЗИИ
КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ,

или размышления у памятника Нахимову в
Севастополе

Санкт-Петербург
2001

Ирина Петрова.

Жанна д'Арк поэзии крымской кампании, или
размышления у памятника Нахимову в Севастополе.
- СПб., 2001. - 16 с.

В очерке представлены мало известные стихотворения одной из известнейших поэтесс первой половины XIX века Е.П.Ростопчиной, отражающих Крымскую войну 1853-1856 годов, в том числе не публиковавшееся в XX веке стихотворение “Черноморским морякам...”, строки из которого были начертаны на памятнике П.С.Нахимову в Севастополе, и рассказ об открытии этого памятника.

Издание осуществлено за счет средств автора.
Редактирование и компьютерная верстка —
Василий Петров.

Отзывы и предложения просьба направлять по адресам:
vnptr@mail.ru или iipetrova@narod.ru

© Петрова И.И., 2001

Среди множества памятников, стоящих в скверах и на площадях Севастополя, два являются, безусловно, главными. Это — Памятник затопленным кораблям и памятник адмиралу Павлу Степановичу Нахимову. Откуда бы не приезжали гости, они обязательно попадают на обширную площадь, где у моря зовет к себе колоннада Графской пристани, а на стыке двух главных улиц стоит бронзовый адмирал. И до того естественным кажется присутствие здесь того, кто все силы и жизнь отдал этому городу, что кажется стоит он тут вечно, подобно тому, как воспринимается вечно стоящим на Сенатской площади Петербурга Медный всадник. А между тем этот памятник только-только отметил свое сорокалетие: он был открыт 5 ноября 1959 на месте прежнего, поставленного в конце XIX века. Нет, не фашисты уничтожили первый монумент, это власть еще в начале 30-х решила, что не место эпопеям в идущем к всемирной победе пролетариата городу. Потом на этом месте появился памятник Ленину (справедливости ради надо сказать — неплохой), Нахимовский проспект именовался улицей Фрунзе и напрочь старался забыть, что был в начале 20-х улицей Троицкого, площадь и пристань носили имя III Интернационала...

Отвлечемся, однако, от эпохи нынешней и заглянем на эту площадь, какой она была сто лет назад, когда возродившийся город гармонично сочетал развитие коммерции и военного флота с почтением памяти павших. О последнем больше всего все годы пеклись, конечно, оставшиеся в живых его доблестные защитники 1854-55 годов во главе с генералом Э.И.Тотлебенем. *“Моряки крепко держатся за свой Севастополь и, кажется, намерены его совершенно возобновить в прежнем виде”*, - писал родным 23 июня 1856 года И.С.Аксаков, тогда ополченец и член Комиссии по выявлению злоупотреблений в индентантских частях южной армии.

Через девять лет, снова посетив руины города, он повторяет:

“Севастополь должен быть отстроен заново со всеми своими укреплениями. Воскреснуть такую же грозной твердыней как прежде... Потому что Севастопольский эпизод в современной истории — это какой-то отрывок из героического периода, это эпос.”

(из письма Анне Федоровне Тютчевой 8 июля 1865 года)¹.

Кто только не проходил мимо, не стоял у памятника прославленного адмирала, сооруженного в 1898г. на Екатерининской площади между двумя главными гостиницами города - Киста и Ветцеля (последняя появилась вскоре после окончания Крымской войны в доме, где некогда жил Нахимов)! Уже в первые годы его “жизни” это были Л.Н.Толстой, А.П.Чехов, И.А.Бунин, М.Горький, К.С. Станиславский с труппой МХТ, С.В.Рахманинов и многие другие. Пройдет два десятилетия, и увидит бронзовый Нахимов у своих ног толпу десятков тысяч своих соотечественников, покидающих родину в годы лихолетья Гражданской войны. Среди тех, кто от ступеней Графской пристани отправился в неизвестность весной 1919 года, была семья Набоковых. Память будущего писателя запечатлела эту площадь:

“В начале девятнадцатого года... пошатнулся и пал Перекоп. Ганин, контуженный в голову..., приехал в Севастополь... и, оставив чемодан в белокаменной гостинице Киста, где суета была необыкновенная, - спустился, пьяный от туманного солнца..., мимо бледных колонн дорического портика по широким гранитным пластам ступеней к Графской пристани и долго, без мысли об изгнание, глядел на голубой, млеющий блеск моря, а потом поднялся снова на площадь, где стоит серый Нахимов в долгом морском сюртуке, с подозрительной трубой, и, добредя по пыльной, белой улице до самого Четвертого бастиона, осматривал серо-голубую Панораму...Так и остался Севастополь у него в памяти, - весенний, пыльный, охваченный какой-то неживой сонной тревогой.”

(“Машенька”).

И Анастасия Александровна Манштейн-Ширинская, дочь командира эсминца “Жаркий”, ушедшая из Севастополя вместе с черноморской эскадрой в ноябре 1920 года и прожившая жизнь в Бизерте (Тунис), говоря о Севастополе, прежде всего вспоминает центральную площадь:

*“Монументальная лестница Графской пристани с доминирующей над ней античной колоннадой выводила на просторную площадь; в центре — памятник Нахимову, справа - комфортабельный отель “Кист”, слева — Офицерское собрание...”*²

Открытие памятника Нахимову явилось событием российского масштаба, ибо, согласитесь, что и в то время сооружение монументов генералам и адмиралам на площадях, носящих имена царственных особ, было явлением исключительным. Описание этой церемонии и самого памятника можно найти на страницах труда А.П.Валуевой (Мунт) “Севастополь и его славное прошлое”³. Эта прекрасно изданная, книга содержит не только немало интересных сведений по истории города, но и 34 прекрасных гравюры Н.С. Самокиша. К сожалению, ныне она почти недоступна читателю, а имя автора, упоминаемое в Энциклопедических словарях Брокгауза и Эфрона и Южакова, не попало ни в ныне издающийся Словарь русских писателей, ни в Литературную энциклопедию.

“ 18 ноября 1898 г., в памятный день 45-летней годовщины Синопской победы, в Высочайшем присутствии Государя Императора Николая II, при чудной погоде и громадном стечении войск и народа, среди которого находились родственники Павла Степановича и севастопольские ветераны, собравшиеся со всех концов России, в Севастополе открыт памятник Нахимову. Памятник находится на Екатерининской площади, против Графской пристани, впереди Морского собрания. Нахимов в адмиральском мундире, при шпаге стоит с зрительной трубой в правой руке; левая

заложена назад. Статуя поставлена на белую гранитную усеченную пирамиду, утвержденную на темносером гранитном пьедестале. На передней стороне пирамиды надпись: “Адмиралу Павлу Степановичу Нахимову”. Под нею спущенное турецкое знамя над горельефом, изображающим Синопский бой...

На пирамиде надписи:

“18 ноября 1853 года русская эскадра под начальством вице-адмирала Нахимова истребила под Синопом турецкий флот Османа-паши”.

Затем стихи гр. Ростопчиной:

*“Двенадцать раз луна менялась,
Луна всходила в небесах,
А все осада продолжалась,
И поле битвы расширилось
В облитых кровию стенах.”*

На задней стороне — громадный металлический лавровый венок с лентой. На уступах — якоря и ядра” (С.129).

Конечно, графиня Евдокия Петровна Ростопчина (1811-1858) — известная поэтесса и очень незаурядная личность, в салонах которой в Петербурге и Москве бывали Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Казамзины, Вяземские, где пел свои романсы А. Даргомыжский, играл Ф. Лист (всего не перечислить), но почему именно ее строки были взяты для памятника? Ведь у Крымской войны были свои поэты-летописцы: Н. Жандр, М. Розенгейм и, прежде всего, участник Обороны Владимир Дмитриевич Коссинский (1830-1889), отразивший в стихах всю её, - от “Дня первого бомбардирования”, закладки редутов и до последнего штурма 27 августа 1855 г., а потом, в 1870-м, написавший эпитафию к памятнику ген. Хрулеву. Значит именно ее строки оказались наиболее точно отражающими суть события. Хотелось узнать в каком контексте идут они в стихотворении Ростопчиной, когда и по какому поводу оно написано.

К сожалению, в изданных в наше время однотомниках избранных произведений поэтессы этого стихотворения обнаружить не удалось. Пришлось обратиться к наиболее полному собранию ее сочинений, изданных братом Ростопчиной С.П. Сушковым в Санкт-Петербурге в 1890 г. И тут обнаружилось, что Крымская война отражена у нее в шести произведениях. Вот строки первого из них, написанного летом 1853 г., когда общество воображало, что начавшаяся война будет повторением триумфа 1812 года:

НАШИМ БРАТЬЯМ ЮГОВОСТОЧНЫМ СЛАВЯНАМ

(Прочитав манифест о войне)

Пришла пора. Зажглася над Востоком

Давно желанная заря...

К нам, братья, к нам!

Скорей в объятья наши

Единоверцев племена!

Ваш кончен плен, разбиты цепи ваши,-

России длань тверда, сильна...

Долой мечеть с двуроугою луною!

Сияй наш Византийский крест!

Сияй над маковкой Софии золотой,

Над куполом священных мест!

18 июня 1853

Увы, через полтора года картина битвы и настроение общества меняются. Севастополь в осаде и подвергается бомбардировкам, потери наших войск в неудачных сражениях огромны. Убит начальник севастопольского гарнизона, руководитель обороны города адмирал Корнилов. Невеселым представлялся грядущий 1855 год, поэтому важна была моральная поддержка тем, кто в ней нуждался. И Ростопчина делает это возможными ей способами: благотворительными мероприятиями и сборами средств в пользу раненых, к коим прилагает свои стихи:

ПЕСНЯ РУССКИМ ВОИНАМ, РАНЕНЫМ В СЕВАСТОПОЛЕ

Защитники страны родной,
О вы, чья кровь лилась рекой,
За Русь святую нашу, -
Пусть голос наш к вам долетит;
Вас всех Москва благодарит
За кровь и жертву вашу!

Вы лихо, милые, дрались;
Вы в поле ратное неслись
Грозой на супостата,
За Севастопольской стеной
Держался грудью Русский строй;
Спасибо вам, ребята!

.....

Хвала вам, славные бойцы!
Вам, наши светлы-молодцы,
Упавшим в жарком бое!
Мольбой за вас мы чтим ваш прах,
И память вечную в сердцах
Вам сохраним, герои!

Корнилов храбрый — ты тужил,
Что не довольно послужил
Царю, отчизне, Богу:
Утешься... Смертию честной
Другим сынам страны родной
Ты указал дорогу!..

1 января 1855

“Вдогонку” к ним она шлет слова поддержки мужественным женщинам из столичных салонов, отправившимся в Севастополь, чтобы под пулями и снарядами облегчать страдания:

СЕСТРАМ Крестовоздвиженской общины⁴

...Вы, жены кроткие, застенчивые девы,
Вы ужасам войны и смерти обрелись,-
Где гибнут тысячи, где льется кровь, везде вы
И свыклись с гибелью, и с кровью обжились.
Пусть лопнула картечь, пусть пуля свищет в уши,
Вы только креститесь,- и к страждущим скорей
Их раны врачевать и подкреплять их души,
Спасти иль проводить молитвою своей...

Больной и раненый,- все вас благословляют,
Все вас приветствуют улыбкой и мольбой,
И на руках у вас спокойно умирает
Наш воин-мученик под вашей слезой...
Один Господь оценит труд священный,
И жертву ваших дней, вдали друзей, родных, -
И там, на небесах, вас ждет венец нетленный,
Замена всех наград, всех почестей Земных!

Война принимала все более драматический характер, и вот уже по Руси прокатилась волна записи в ополчение. Губернии избирали своих предводителей. Семь из них избрали на этот пост 78-летнего генерала А.П. Ермолова, коего, после декабрьских событий 1825 года, отозвали с Кавказа и отправили в отставку. Генерал принял на себя руководство Московским ополчением. Ростопчина находит для него слова веры и напутствия:

АЛЕКСЕЮ ПЕТРОВИЧУ ЕРМОЛОВУ,
избранному в начальники Московского ополчения

Народный голос — голос Бога;
Он громко нынче вопиет:
Вставай, Ермолов!.. Русь зовет!
Тебе знакома ведь дорога?

Единодушным увлечением
Тебя назначила молва,
И над Московским ополчением
Вождем поставила Москва.

...

Вставай, честь русского народа,
Себя врагам припомяни,
И пусть двенадцатого года
Великие вернутся дни!
15 февраля 1855

Читаешь эти энергичные, полные гражданственности строки и думаешь: ну какая же это “Московская Сафо”, как с легкой руки П.А. Вяземского окрестили ее? Скорее это Жанна д’Арк, во всяком случае в этот ее период. Радуюсь, что “слово найдено”, знакомлюсь дальше с материалами, к ней относящимися. И вдруг читаю: *“Ростопчина... точно Иоанна д’Арк. Та в домашней жизни простая пастушка, а в минуты откровения герой и мученик; эта — пустая вертушка, а в минуту откровения поэт и апостол душевных таинств.”* (П.А. Вяземский — А.И. Тургеневу. 13 июня 1841)⁵ И это писалось еще за двенадцать лет до войны! После минутного огорчения, что я не оригинальна, радуюсь тому, что стою на верном пути.

1855 год оправдал мрачные прогнозы и предчувствия. Несмотря на невероятные усилия, героизм и жертвенность, Севастополь был оставлен. Смерть косила воинов не только в битвах, но и в резервных лагерях от эпидемии. Горе коснулось непосредственно Евдокию Петровну: погиб дорогой, близкий ей человек Андрей Николаевич Карамзин, сын великого историка, отец двух ее внебрачных дочерей (увы, в браке Евдокия Петровна, урожденная Сушкова, никогда не была счастлива). Тем поразительнее стойкость ее души, откликающейся на горе близких:

СЕМЕЙСТВУ ГРАФОВ ВИЛЬЕГОРСКИХ

Душа болит, душа болит...
Болит по общим нашим ранам,
Тоска-печаль голодным враном
И грудь и сердце мне щемит.

В какой семье, в каком доме
Нет ныне плача, слез, стонаний?
Где не найдешь в годину драни
Хотя по гробу одному?

Одни под пулею в бою
Иль от штыка бесстрашно пали,
Геройской смертью развязали
Присягу честную свою.

Другие с язвой и чумой
Вступили в бой неравный,
Больных спасая, смертью славной
Запечатлели подвиг свой.

...

Мир вам, отечества сыны!..
Внемли, о Боже, их моления,
Пусть эти жертвы примиренья
Нам будут свыше сочтены...

Ноябрь 1855

Надо сказать , что силы она черпала, безусловно, и в поддержке близких ей по духу людей. Так, почти одновременно с ее посланием Вильегорским к ней обращается Федор Иванович Тютчев:

ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ

О. эти дни — дни роковые,
Дни испытаний и утрат —
Отраден будь для ней возврат
В места, душе ее родные!⁶
Пусть добрый, благосклонный гений
Скорей ведет на встречу к ней
И горсть живых еще друзей
И столько милых, милых теней!

16 октября 1855

В начале 1856 года, когда в Париже дипломаты вели переговоры об условиях мирного соглашения, на север стали прибывать офицеры - защитники Севастополя. Состояние их духа было сложным, ведь война проиграна, хотя они отдали ей столько сил, нервов, знаний, столько товарищей оставлено в той земле. И русское общество единодушно принимает решение — встречать севастопольцев как героев. В их честь обе столицы, соревнуясь, устраивают приемы и обеды. На одном из первых таких приемов, устроенном в честь черноморских моряков московскими дамами в феврале 1856г., выступает со своим приветствием гр. Ростопчина. Именно здесь она, *“такая слабая и маленького роста”*, как охарактеризовал ее в те годы А.Н. Майков⁷, произносит строки, которым судьба , казалось, уготовила бессмертие. Вот эти стихи:

ЧЕРНОМОРСКИМ МОРЯКАМ

Стихи, говоренные на обеде 25 февраля 1856 года,
данном московскими дамами защитникам Севастополя

Ура, защитники России!
Добро пожаловать в Москву!
У ней вы гости дорогие,
Про ваши подвиги святые
Давно уж чтит она молву.

Герои верности и веры, -
Вы наши чудо-молодцы,
Затмили удалью без меры
Всех древних доблестей примеры,
Все бранной славы образцы.

Что Данциг, Сарагосса⁸, Троя,
Пред Севастополем родным?
Нет битв страшней,
Нет жарче боя.
Дыша в огне, вы гибли стоя
Под славным знаменем своим!

Пред Севастопольской осадой
Что слава всех осад других?
Когда пловучие армады
Таких несметных сил громады
Водили на врагов своих?

Двенадцать раз луна менялась,
Луна восходила в небесах,-
А всё осада продолжалась,
И поле битвы расширялось
В облитых кровию стенах,

Четыре смены вражьей силы,
Четыре войска там легло,-
И бесполезные могилы
В волнах морских⁹, в степи унылой,
В борьбе безвыходной нашло.

У них. У нас вождей любимых
Косила смерть, недуг сражал;
И много славных, много чтимых
Исчезло там, незаменимых, -
А Севастополь всё стоял!

Но Господу угодно было
Свою Россию испытать,
Не мощь врагов нас победила,
Не длань их город сокрушила, -
Но Бог судил его отдать!

Честь спасена, -
А с ней и слава,
И вам та честь принадлежит.
Вам Севастополь величавый
В скрижалях Родины блеснит!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Выдержки приводятся по тексту писем, приведенному в труде “И.С. Аксаков в его письмах”: т.3 (М.,1892), С.263 и т.4, ч.2 (СПб.,1896), С.150.
2. Валуева (Мунг) Анна Петровна (1856-1902) — писательница, автор серии книг “Нашему юношеству — рассказы и хороших людях”. Ее “Севастополь и его славное прошлое” опубликован в СПб в 1899г.
3. Анастасия Манштейн-Ширинская. “Бизерта. Последняя Стоянка”, СПб., 1996.
4. Крестовоздвиженская община сестер милосердия — первая организация по оказанию женской помощи на полях сражений — действовала под патронажем вел. кн. Елены Павловны (вдовы вел. кн. Михаила Павловича). 120 женщин из лучших дворянских родов самоотверженно ухаживали за ранеными. Десять их умерло там от болезней.
5. Цитированные строки печатаются по книге: “Ростопчина Е.П. Талисман: Избранная лирика, Драма, Документы, письма, воспоминания”. / Сост. В. Афанасьев. — М.: Моск. рабочий, 1987, С.282. Здесь же напечатаны ее стихотворения “А.П. Ермолову...” и “Семейству графов Вильегорских”.
6. В это время она уезжала из Петербурга на родину, в Москву. Печатается по кн.: “Евдокия Ростопчина. Стихотворения. Проза. Письма”. М.:Сов. Россия, 1986, С.402.
7. Из стихотворения А.Майкова, обращенного к гр. Ростопчиной. Там же, С. 406
8. Балтийский порт Данциг и испанская Сарагосса прославились своим сопротивлением войскам Наполеона в 1807-1813 г.г.
9. Видимо, поэтесса имела ввиду страшную бурю в ноябре 1854г., когда у Балаклавы было потоплено много кораблей английского флота с людьми, техникой и денежным довольствием.

Петрова Ирина Ильинична — кандидат технических наук, автор многих научных трудов по проблемам новых материалов для электроники. В последнее время занимается вопросами отражения Крымской тематики в российской словесности. Автор-составитель книг “По Крыму Пушкину вослед” (1996), “Вся просвещенная Россия сто лет жила под капель звон Бахчисарайского фонтана” (2000), “Крымская война сквозь призму поэзии” (2001) и др. Автор ряда публикации в газете “Слава Севастополя”. Родилась в Севастополе, живет в Санкт-Петербурге.